

P2 Яр
M-30

СОВРЕМЕНИК

**ЭММА
МАРЧЕНКО**

ЖАР-ПТИЦА

НОВИНКИ • СОВРЕМЕНИКА •

Душа, как суверенная держава,
Высоких чувств возводит города.
И думаю, столицей величавой
В ней может быть, конечно, Доброта.

Большими городами — Чувства Долга,
Товарищества, Верности, Любви.
Создать в ней стоит городок Восторга,
В котором не смолкали б соловьи.

Пусть будет много городов державных,
Так много, что их все не перечесть.
И среди них один из самых главных —
С названьем Человеческая Честь.

Пусть процветает город Светлой Грусти
С полуночной задумчивостью стен.
А Зависть превратится в захоlustье,
И Злость покинут жители совсем.

Так пусть, как суверенная держава,
Душа возводит мир особый, свой.
Пусть будет в ней всего одна застава,
Где Честь — неподкупный часовой

Победителя

То мели, то вновь повороты,
Волокна туманов речных.
И море работы. С работой
Справлялись — один за двоих.

Трудились внимательно, стойко,
Порог проходя или шлюз, —
Доставить бы вовремя только
На базы далекие груз.

Всплывали в бессонные ночи,
За вахтою вахту неся.
В заботах бесчисленных, срочных.
Прошла навигация вся.

А в непогодь, осенью мрачной,
И взгляду, и сердцу светлей
Под этой торжественной мачтой
И вымпелом алым на ней.

Мечтою овеяны, вознесены
На волны взмутненного цвета —
Когда наступает начало весны,
Мне снятся судов силуэты.

Их мачты далекие видятся мне
Над лентою плеса речного.
Мне любви суда наяву и во сне,
Всегда их прибытие ново.

Пытаются их удержать берега,
Расставив причалов магниты.
И вижу, легки они, как облака,
Но воды движеньем их взрыты.

Приводят с низовья, в низовье плывут,
Свою совершая работу.
И, может, на несколько только минут
Задержатся у поворота.

Пускай поворота кривая крута,
Причал неподвижный, прощай-ка!
Весною над мачтами кружит мечта,
Как будто незримая чайка.

Перед отплытием

Все ниже борт,
Все ниже ватерлиния.
Почти соприкасается она,
Бордовая, с водою темно-синюю,
Слизнуть ее пытается волна.
Вот убран трап.
Вот занялись швартовыми.
С причала голос — словно в пустоту:
Не слышат белозубые, бедовые,
Командой всей авралят на борту.
Забыто все, что к берегу относится.
Но в дальнем рейсе вспомнятся потом
И улиц городских разноголосица,
И меж домами самый близкий дом.
Пригрезятся и тополи вечерние,
И у забора досточка — скамья.
К воде пристрастье,
К палубе влечение
Простит ребятам добрая земля.
Что им далась дорога эта синяя?
Уходят в рейсы вновь они и вновь.
А их любовь к реке
Такую сильную
Не объяснишь — на то она любовь.

Водный путь

По озеру, каналу, по реке
Да по морю искусственному плыть.
То вмиг заметить бакен вдалеке,
То рядом мель к корме не подпустить.

И взглядываться в темень по ночам,
Прожектором оцупывая плес.
Сойти на кратковременный причал
И удивиться шелесту берез.

Потом, пройдя по рыхлому песку,
Курить и разбираться в новостях.
И чувствовать себя на берегу
Не буднично и словно бы в гостях.

И снова дом оставить вдалеке,
Неисправимым речником прослыть.
По озеру, каналу, по реке
Да по морю, меж бакенами, плыть.

На плесе

А. Н. Селезневу

Лишь на минуту выйдя на корму
Из рубки тесной, как из-под навеса,
Вздыхаете вы, радуясь тому,
Что к вам доходит хвойный запах леса

Зовут на берег запахи земли,
Волнует край, лежащий без предела..
Да кто ж вам плес покинуть не велит,
Для вас на суше б отыскалось дело.

Вы позабыли б год-другой спустя
О танкере, о плесе, о причале..
Но, в рубку озабоченно идя,
Вы словно пожимаете плечами.

И мимо, мимо сосны, островки.
Но берег не таит на вас обиды
За то, что оторваться от реки
Всегда вам — как Земле сойти с орбиты.

Вам пужны были для того лоза
И сосны островерхие за нею,
Чтоб, отдохнув в их зелени, глаза
Вбирали серебро реки точнее.

Ночь светла, а плес под цвет латуни,
Чайка ночи северной светлей.
Крыльями взмахнула, как в раздумье
О реке ли, о судьбе ль своей.

Так взлетела кораблю навстречу,
Словно встречи с ним ждала она.
Вскрикнула, взлетев. От птичьей речи
Науряженной стала тишина.

Только б не был взлет ее плачевен!
Жизнь до ослепления любя,
Только б не разбилась о форштевень
Твоего стального корабля!

Пароходство...

Скажут: «Пароходство», —
И прибрежью каждый звук знаком
И любим. Наверное, за сходство
С парходным бархатным гудком.

С парходным басом деловитым,
Словно раздвигающим туман,
О котором говорит сердито
К трудностям привыкший капитан.

Парохо-о-дство—словно длинный-длинный
Путь по Волге или по Оке.
С перелетным клином журавлиным,
С деревеньками на берегу.

Проходя дорогами речными,
От спокойной жизни далеки,
Слово «Пароходство», словно имя,
Слышу произносят речники.

Механик

Трехпалубный высокий теплоход
Плывет, сверкая снежной белизною.
А он в машинном все, из года в год,
Он редко видит чайк за кормою.

К стальному прикасается путру
Промасленными мудрыми руками —
И теплоход плывет, как на смотру,
Красуясь меж речными берегами.

На зимующих кораблях

Наплавались, умаялись и встали
Вдоль берега речные корабли.
Нульсировать сердца их перестали,
Их палубы метели замели.
Как остров изо льда лишь и металла,
Как целый город замерших машин —
На люках, глянешь, снежные кристаллы,
На мачтах иней иглы распушил.
Но надевали рукавицы люди
И, сильные, трудились, как всегда:
Спускали трапы, открывали люки,
Тянули по-над снегом провода.
Когда ж слепящий свет электросварки
На неподвижной вспыхивал корме,
Металлу в стужу становилось жарко
Наперекор напористой зиме.
Флотилия спала, в снега одета.
А речники работали, смогли!
Как будто все тепло весны и лета
В себе сердца живые сберегли.

Я помню каждый жест ваш, каждый взгляд.
Улыбка ваша постоянно в мыслях;
Как во дворе зимою — снегопад,
Как летом солнце — на цветах и листьях.

А что в улыбке вашей мило мне,
Я, может быть, и объяснить не в силах.
Но если буду я в чужой стране
И спросят вдруг: «Какая же Россия?» —

Мне вспомнятся свечение берез,
И Волга, и еще улыбка ваша.
Я Родину ничуть не приукрашу,
Влюбленно отвечая на вопрос.

Южный город

Вечно морю теплomu плескаться,
Кораблям пересекать залив.
Желтоватой зелени акаций
Зной любить, в безветрии застыв.
Горизонту быть бескрайне-синим,
Чтоб глядели с мола, щуря взгляд.
А фасадам городских гостиниц
Одеваться в дикий виноград.
Улочкам с трудом взбираться в гору,
Ртами окон повторять: жара!
Мне же снова видеть южный город —
Здесь когда-то в детстве я жила.
Здесь у древних башен вьются птицы
И звучит слышнее разговор.
Виден через каждую бойницу
Моря нетускнеющий простор.
Так мне дорог каждый камень серый
И такая между нами связь,
Словно я сама до нашей эры
В знойной синеи Крыма родилась.

Рыбачье утро

Сеть перебирали напряженно,
Наклонялись над кормой без слов.
К сапогам сползал большой,
Тяжелый,
Словно ртуть, трещащий улов.
Мелкую рыбешку на свободу
Вытряхнули в море, чтоб росла.
Снова сети опустили в воду,
Водоросли сбросили с весла.
И поплыли, разбивая пену.
Медленно гребли — не палегке!

...Утренний автобус, самый первый,
Только показался вдалеке.

Глубинный лов

Фелюга встала кормою к ветру,
Слетают брызги с крутой волны.
Тяжелых камбал подняли кверху
Из тьмы зеленей, из глубины.

Горячий воздух хватая жадно,
Открыли рыбы большие рты.
На ярко-красных махровых жабрах
Еще осталось чуть-чуть воды.

Рыбачат парии, а их качает.
И отражаются в их глазах
Качанье снасти, качанье чайк,
Воды играющей бирюза.

Ударит ветер, волна умест.
Кивают парии: берись дружной!
Корма, качаясь, кренится к морю,
А может, море кренится к ней.

У моря

Снова море качается сонно,
И крейсируют в нем корабли.
Словно ларусники, невесомо
Вон они проплывают вдали.

Вон рассеялся, словно виденье,
Синеватый, как тень, силуэт —
Проступили вблизи оснащенье
И стальной маскировочный цвет.

И корабль, проплывая, обрушил
Прямо под ноги гребни воды...
Как же море отделишь от суши?
Как же явь отлучишь от мечты?

Авиатор

Пока под солнцем скромного курорта
Беснечпо кто-то подставляет грудь,
Следишь ты за посадкой вертолета,
Что над заливом совершает путь.

От крыльев и виштов на отдаленье
Ты даже здесь, на пляже городском,
Не забываешь их, и вдохновенье
Тебя своим касается крылом.

Терновый куст

Терновый куст развеселит и колюч.
Но забываю в этот миг о риске
До крови наколоться. Нет ни круч,
Ни веток, лишь — слова на обелиске.

Нежданно появились за кустом
И тем сильнее душу поразили.
Я только что заботилась о том,
Чтоб терна поприбавилось в корзине.

То подымалась горной крутизной,
То осторожно раздвигала ветви.
И вдруг — слова за веткою густой
О подвиге солдатском и о смерти.

Фамилия, фамилии столбцом
И надпись: «Неизвестны остальные...»
И тоже не увиделась с отцом,
Остались только письма фронтовые.

А воздух стал солоноват на вкус:
Далекое ли снова близко-близко,
До слез ли исколол терновый куст,
Растущий перед самым обелиском.

Встреча с отцом

Как в тумане родные черты...
Снова сердце сбивается с ритма,
Подсказав мне, что жив ты, что ты
Возвратился — оно говорит мне.

Ты живой? Ты в бою не убит? —
Я гляжу, подавляя тревогу.
Как устал ты, отец, и не брит,
Возвращался ты долгой дорогой!

Обо всем ты узнаешь теперь:
Внуки ждут и состарилась мама —
Столько лет наша скорбь о тебе
В жизни место твое занимала.

И к тебе прижимаюсь лицом,
А щетина твоя, как гребенка, —
Значит, взрослая рядом с отцом
Вправе стать на минуту ребенком?

Снова памятью сердце прожгло,
Как всегда, ты уходишь в молчанье...
То ль от сна, то ль от утра светло
И печально, светло и печально.

Мой брат смуглолиц — на отца он похож,
И голос отца и характер его ж.

Выходку с отцовскою спутать могли б..
Отец перед самой победой погиб.

А время торопится, годы идут:
У брата сынишка и дочка растут.

Растут неважные два сорванца..
Мы с братом такими липнулись отца.

Пземляничков возле себя посажу.
Что знаю про деда их — все расскажу:

«Он бил оккупантов наводкой прямой,
Мечтал победить и вернуться домой.

Бои отгремели, орудья молчат.
Ваш дед на ноге не качает виучат.

Лежит он в могиле под красной звездой,
Он с карточки смотрит, совсем молодой.

Но радости детства, сияние глаз
Ваш доблестный дед от гибели спас».

Помяты были травы на покосе
И вытоптан за хатой огород.
А сад ронял на землю абрикосы,
Несобранные, сладкие, как мед.

Но снова грохотало в отдаленье.
А здесь: клюка, платок, подол до пят.
Согбенная — глядела на деревья
И утешала: «Наши-то бомбят...»

Мы в старом доме сделали ремонт,
А дом стоит недалеко от моря:
Спускаешься тропинкою прямою
И видишь побережье и порт.

Мы здесь всегда проводим отпуска,
Не потому, что здесь места красивые,
А потому, что здесь вот и росли мы,
И любим с детства эти берега.

А так — есть и красивее места,
А так бы что, да здравствует полсвета! —
Когда б ни тропка узенькая эта,
Что привязала к морю навсегда.

Мне здесь еще пожить бы.

Мне бы снова

С полдненным зноем встретиться лицом

На козых тропках выжженного склона,

И с детства помню,

Нахпет чабрецом.

Не понимала,

Что была счастлива,

Когда, поднявшись по тропе крутой,

Всю ширь феодосийского залива

Я видела с горы перед собой.

Глядеть бы и теперь, не разлучаясь,

На светлый утроем, потемневший днем

Морской простор, на белокрылых часк,

На краснокрылый флаг над кораблем.

Дождь в Крыму

С утра трещит, разламываясь, небо,
Трещат удивленные сады.
В них дождь сто дней и мимоходом не был,
И вдруг — потоки хлынувшей воды.

Осрзвиться не хочет от испуга
Листва пирамидальных тополей.
И слышно, как размашисто, упруго
Тяжелый ливень хлопает по ней.

Морской залив, еще недавно синий,
Весь тенью дождевой заволокло.
Стодневный зной, внезапно обессилев,
О берег раскололся, как стекло.

Чабаны

Пожелтевшие травы, куда ни взгляни,
Да седая полынь пад буграми.
За отарами следом идут чабаны
По степи, опаленной ветрами.

Впереди только небо со степью впритык...
Овцы в кучу сбиваются — жарко.
И свисает беспомощно мокрый язык
Из разинутой пасти овчарки.

Степь живет, задыхаясь в полуденный час
Вся в колючках и сусличьих норах.
И, надвинув лохматые шапки до глаз,
Чабаны собираются в город..

Уходили иные и прятали взгляд,
Но потом возвращались: привычка.
И широкая степь принимала назад
Несговорчивых тех, горемычных.

Были зноем кусты и трава сожжены
Под высоким безоблачным небом.
Далеко от шоссеиных дорог чабаны
Снова шли за отарами следом.

Сон

Мне снова снились очертанья гор
И море беспредельное за мысом —
Простор, знакомый сердцу с давних пор,
Но только освещенный новым смыслом.

Я с вышины взглянула, замерев,
Идя по тропке, словно по карнизу.
И в этот миг, разинув синий зев,
Меня волна подстерегала снизу.

А слабый голос увещал: вернись,
Вернись, вернись назад, пока не поздно!
Но только чайки устремлялись вниз,
Но только скалы обрывались грозно.

И солнце, опускаясь за хребты,
От собственного зноя увядало...
Вернись тогда я — этой красоты
Теперь бы и во сне не увидала.

Дотерпеть бы мне
Только до лета, до юга,
Только море бы мне
Да полоску песка.
Одолели меня,
Завертели, как вьюга,
Наши ссоры с тобой
И молчанья тоска.
Мне б стоять над водой
На рыбацьем причале,
Видеть отсветы солнца
И камни на дне,
Чтобы взгляд мой
Зеленые волны качали,
Чтоб бакланы кружились
Чуть-чуть в стороне.
Мне бы чувствовать
Моря нагретого запах.
Этим запахом крепким
Весь берег пропах.
Мне бы горечь волны,
Налетевшей внезапно,
Вместо горечи слов
Ощутить на губах.

Люди и дельфины

Вокруг, синее, дремало море,
И дальний берег казался синим,
Когда поблизости, за кормою,
Раздвинул воду плавник дельфиний

Спина другого дельфина рядом,
Пад гладью моря, всплыла упруго.
За ней единым пытливым взглядом
Следили люди, тесня друг друга.

Палило солнце, расставшись с утром.
Все забывали, что мучит жажда,
Пока дельфины играли с судном,
В воде мелькая, лоснились влажно.

Они, играя, ушли в глубины.

А люди шурились над кормою
И долго ждали, когда ж дельфины
Всплеснут хвостами и взроют море.

В Иванове

И заблудиться в городе хочу.
Брожу я по Иванову впервые
И радуюсь осеннему лучу,
Упавшему на улочки живые.

Мне нравится упрямая трава
И ранний снег на берегу покатом.
Недвижная речушка чуть жива
И тщетно согревается закатом.

Домов кирпичных красные бока
И красные от холода осипы.
Мне кажутся все эти облака
Густым дыханьем фабрики текстильной.

А улица, которая пряма,
Еще сегодня молода настолько,
Что здесь сплошные новые дома,
Сплошные незаконченные стройки

То деревянный домик во дворе,
То здание большого института.
Мне нравится, что город, как в игре,
Взял старое и с новым перепутал.

Ткачиха

Всё шумит вокруг, шаги ее лишь тихи
И шаженья споривистые легки.
— Не скучаем у ткачихи, у ткачихи, —
Торопливо повторяют челноки.

И сплут туда-сюда под строгим взглядом:
Ткань — покажется, ведут секундам счет.
Нитка с ниткой, нитка с ниткой, видишь, рядом
Безостановочно и настроенно течет.

Ритм шума, эти стуки-перестуки —
Постоянное дыхание труда.
Примелькнут и узелок завяжут руки,
Если нитка оборвется иногда.

И склетаются поправленные нити,
Удиль широкая течет из-под руки.
— На ткачиху вы взгляните, вы взгляните
На ткачиху, — повторяют челноки.

А ткачиха так внимательно, так строго,
Так заботливо склоняется к станкам,
Словно жизни бесконечная дорога
Удилью белую течет к ее ногам.

С единственной улицей деревня
И хвойный лес, нетронутый, густой.
И речка, словно лисья делячка,
Меж соснами в дедовской избой.

Прохладные, с глухим оконцем сени.
А в горнице, заждавшейся гостей, —
Герани ярко-огненной цветенье
И телевизор — вестник новостей.

И вышла из избы и поняла,
Что я забыла, что такое звезды.
Сняла тишина, и было поздно,
А за избой в лесу таилась мгла.

Над головой струился синий свет.
Казалось, что от этих звезд забытых,
Таких необычайных, первобытных,
Свободного на небе места нет.

Они сняли в темной глубине.
А на опушке елка, словно лестница,
Представленная к огненному месяцу,
Звезды его — манила в стороне.

Но почему-то возвращался взгляд
К созвездиям над деревенской крышей.
И в самом деле, можно было слышать,
Как меж собою звезды говорят.

Бабушка

В дни, когда к концу клонилось лето
И осталось на полях жнивье,
Бабушка у нас совсем ослепла —
Солнышко померкло для нее.

Не встречает нас на зорьке ранней,
Не глядит в окошко на поля.
И не знает, что в горшке с геранью,
Как в пустыне, высохла земля.

Нет в избе привычного порядка —
Не хлопчет бабушка с утра.
В избу на экскурсию хохлатка
Выводок приводит со двора.

Сор снять не выметен под лавкой,
Самовар заглохший не кипит.
Лишь платок, заколотый булавкой,
Бабушка тревожно теребит.

И наверно, нет сильнее муки
Для нее, чем этот неуют.
Не привыкшие к безделью руки
Бабушке покоя не дают.

Пробуждение

Над полем проплывали облака,
Ложились тени их передо мною.
А поле за воздушной пеленою
Казалось серым лишь издалика.

И серебрились облака, когда,
Их раздвигая, появлялось солнце.
И кое-где синела, как в озерцах,
В низинах поля талая вода.

Она лишь и осталась от зимы!
А ветер, пролетающий над полями,
Над яркими, густыми зелеными,
Был теплым, как дыхание земли.

И жаворонки, радуясь теплу,
Звенели, ни на миг не замолкая,
И ручейки, тропу перебегая,
Казалось, ударяли по стеклу.

Все, все заговорило о весне:
И пенье птиц, и легкость небосвода.
Я счастлива, что в это время года
С природой побыла наедине.

Отраднo и легко дышалось мне.
Все убеждало: холодность позорна!
Здесь чувства пробуждались, словно зерна
В согрето́й и оттаявшей земле.

Соловьиная ночь

Рассыпается щелканье в пуще,
Льется свист соловьиный с ветвей.
И на миг замирает идущий
На дороге пустынной своей.

Словно не был до этого зрячим,
Он, забыв про дневные дела,
Замечает, что полночь прозрачна,
А лесная дорога светла.

Замечает, что зелены кроны,
Забывая вабсты свои,
Рядом цокают, как в микрофоны,
В придорожных кустах соловьи.

У озера

Так легок был на озере туман,
Что озера ничуть не замутил он, —
За камышами и прибрежным илом
Воды светился голубой экран.

Не только ярко-желтую луну
Вода без затрудненья отражала,
Но, как и в небе, в ней звезда дрожала,
Лучами измеряя глубину.

А тишину, стоящую вокруг,
Как дерево, пилили коростели.
Хоть поздно было, спать мы не хотели,
Околдовал нас приозерный луг.

Меня и длиннолапого щенка,
Забывшего о преданности дому.
Носился он по берегу ночному,
Густой росой измочив бока.

Но чтоб не беспокоились о нас,
Мы воротились в дом — какая жалость!
А озеро нам долго вспоминалось —
Не отступало светлое от глаз.

Снежные версты

Автобус идет до пригорка,
А там, за чертой городской,
Над крепкой ледовой коркой
Луна над декабрьской рекой.

Дороги протоптанной млечность,
На ветках морозный пушок...
И кажется, греет заплечный
Набитый доверху мешок.

Зовут через снежные версты
Огни деревень в полумгле,
Как будто высокие везды,
Замерзнув, спустились к земле.

За соснами, за перелесьем,
Торчит из-под снега жнивье.
Луна то блещит в поднебесье,
То лес заслоняет ее.

Плывет отраженный снегами
Ее переливчатый свет.
И громко скрипят под ногами
Полозьев протянутый след.

Поко́сы в безмолвнѣи строгом
Под снегом лежат, не дыша...
Глядишь на снега за дорогой —
Невольно светает душа.

Я снежные вершины первый раз
Увидела. И хоть не рядом было,
Но белизна почти коснулась глаз,
Я перед нею обо всем забыла.

И все ж спустя мгновение она
В моих глазах померкла, пропадая,
Незримой стала — так была полна
Другим переживанием тогда я.

Все встало после на свои места.
Я вспоминаю, и передо мною
Покрытая снегами высота,
Сверкающая вечной белизною.

Прозрела я, и вековым снегам
Не угрожает тень того мужчины...
Мне грустно, что растаял великан,
Который заслонял собой вершины.

Окраина

Бело-розовый вечер
Пришел на окраину города.
Розоватый закат
Из-за стен вырывается ввысь.
Воздух чист и колюч
От скрипящего зимнего холода,
Рядышком который,
Огни городские зажглись.
Теплый ответ от окон
Полукраски сугробов отроги,
И они, зарумянившись,
Словно бы стали теплей.
Разы фар распвели
На широкой шоссевой дороге.
Восхлуз свет ведреманный
В сонных глазах фонарей.
Свет вид ночи некрется.
Поздаль он кажется синим.
И совсем темно-синим
Пал сенью дощатых лесов.
А за крайнею стройкою
Солнце гяжелое стынет —
Там увязло в снегах
Отневое его колесо.

Старые дворы

Они в тени домов многоэтажных,
Как в заводи осевшие плоты.
На них посмотришь—бутафорны, скажешь,
Остатки деревянной слободы.

Дворы живут по дедовским законам,
Калитки закрывая на засов.
А сверху нависает сто балконов
Недавно возведенных корпусов.

Висят балксы над забором шатким,
Таким кривым, как будто он ничей.
Над чучелом на огуречной грядке,
Над трубами из красных кирпичей.

Труба дымится — дом снесут позднее.
Труба остыла — дому вышел срок.
В нем окна опустевшие темнеют
И выброшена рухлядь на порог.

Но конуры своей не покидает
Дворовый пес, слободки старожил.
Он тощим стал, как лесенка крутая,
Которую всю жизнь он сторожил.

И гарахтит бульдозер, тяжелея.
Глядят соседи, сдерживая вздох:
Не разберешь, дворнягу ли жалеют
Из яблонь расплетающихся рядок.

На стройке

Скоро-скоро привычный уют
Привезут новоселы в квартиры.
А пока, словно с палубы, тут
Вновь с балкона доносится: вира!

Балки, кладка, натянутый трос,
Над стеной проплывающий с грузом...
Тут любой загорел, как матрос,
Стал от солнца совсем светло-русым.

А вокруг синевы густота,
Небосклона безбрежность такая,
Словно вправду за стройкой — вода,
Чуть качающаяся, морская.

Реактивный

Уже внизу за окнами темнело,
Но светел был вечерний небосвод,
И прорезал над улицами небо,
Протягивая взгляды, самолет.

Он в этот миг был серебристо-алым,
Весь в ответе невидимой зари.
И у меня дыхания не хватало,
Пока за ним следила я с земли.

А он, оставив за домами рокот,
Так ярко засеркал на вираже,
Что друг за другом засветились окна
Металлических в небе этажей.

Вот опять надрывается сердце
От разлук, ожиданий и встреч.
И опять не отыщется средства,
Чтобы сердце от них уберечь.

Чтоб не билось встревоженно, чутко,
Умудренное опытом дней.
Чтоб спасительный голос рассудка
Оказался хоть малость сильнеей.

О, это невысокое окно,
В котором только ветра дуновенье, —
Мне кажется, твой стук хранит оно
И взгляда твоего прикосновенье.

Но говорит мне поздняя звезда,
Что утешаюсь тщетною мечтою.
Так безнадежно комната пуста,
Как сердце переполнено тобою.

Осокорь

Под твоею кроною высокой,
Запрокинув голову, стою.
Знаю, ты не чувствуешь, осокорь,
Близость неприметную мою.

Взгляд мой растворяется и тонет
В лиственном шуршащем серебре.
Без ответа тянутся ладони
К пирамам и морщинам на коре.

Всей листвой, густою, поседелой,
Заселнив, как облаком, лазурь,
Ты привычно смотришь за пределы
Видимого у ствола, внизу.

Но когда одна, среди молчанья,
Замираю под листвой густой
Ты, и сам того не замечая,
Делишься со мною высотой.

Как неспя-зелены дали,
Открытые взору с холма!
Мне выпадет снова когда ли
Их видеть — не знаю сама.

Сонсен не ждала, что подымет
Навстречу приехавшей мне
Земля свой рассветный Владимир
На вышнотом круто холме.

Отец — из глубин, снаружи ль
В тот миг или тысячу лет
На стены из каменных кружев
Струится серебряный свет?

И слова — лесные массивы
Возду, у каменной черты, —
Все было бы слишком красиво
Для лучшей одной красоты.

Белогривая тройка

Словно нет впереди городов,
Словно спят под снегами деревни...
Украшает пушистый покров
У железной дороги деревья.
Скорый поезд наш словно скользит,
Пробегает лыжнею стальнойю.
А вдали, а вдали и вблизи
Только снежные хлопья стелюю.
Впереди ни звезды, ни зари:
С белым снегом дорожная встреча.
Полустанок зажег фонари —
Наступает, наверное, вечер.
Поезд делит поля пополам,
Принесла проводница постели.
Но летит без дорог по полям
Белогривая тройка метели.
Обгоняя вагоны, летит:
Кони мимо окна промелькнули,
Полумесяцы звонких копыт
Вновь мороз подковал накануне.
Поезд времени словно не в счет,
День забылся, вдуший на убыль.
И волнует, как встарь, и влечет
Удпла закусившая удаль.

Дивная гора

Я покидала городок: пора,
Пора давно в обратную дорогу.
Опять холмы и Дивная гора
Меж ними где-то,
В стороне немного.
Там, говорят,
Над Волгою леса
Еще стоят былинные, густые:
Где облака — темней там полоса,
Где солнце — изумрудно-золотые.
Растаяли надолго
Купола,
Вязь на домах старинного квартала.
Но снится ночью Дивная гора,
Которую я так и не видала.

Умирают зимние березы
Не своею смертью — от шпиль!
Вздрагивают в воздухе морозном
Крепкие, упругие стволы.

Высоки. Замедленно падаешь.
Но конец настал, как ни тяни!
Может, жизнь от самого рожденья
Вспоминают, падая, они.

И нельзя найти тут виноватых,
И тяжел у лесорубов труд.
Но шумят березы глуховато
И невольно за душу берут.

Чтоб земля им не казалась грубой,
Перед ними стелются снега.
Ударяет в лица лесорубов
Поднятая ветками пурга.

Под Москвою

Рукой подать отсюда до Москвы —
Гудит, не замолкая, автострада.
Но в переулках — шелест листопада
И заросли желтеющей травы.

Здесь, в городочке, каждый поворот
От глаз скрывает древности картину.
Сверну за этот, первый, и — застыну
Перед резною красотой ворот.

Приспикнусь настроеньем здешних мест,
Дивясь, что прежде здесь не побывала.
Пойду по верху крепостного вала
И, замирая, оглянусь скрест.

Осенняя торжественная грусть
И светлый лик озерной этой глади!
Пойму, на крассту земную глядя:
Так вот откуда начиналась Русь!

И древность словно оживет на миг:
Тревожен день — вот-вот сраженье грянет, —
Покажется, о Русь, лесов багрянец
Доспехами защитников твоих.

Грачи прилетели

На полях
И на стройке
Ходили грачи,
Так брестяще-черны,
Как на сценах рояли.
Здесь на льдинке топчайшей
Играли лучи,
Там в воде по колено
Осины стояли.
И взлетали грачи,
Гомонили они,
Вновь, как всякая радость,
Немного нежданно.
И казалось, что рады
Началу весны
Даже стены домов
И подъемные краны.
Прошлогодними травами
Пахло с полей,
И кружились грачи
Над землею согретою.
И казалось,
Что нет ничего веселей,
Ничего нет светлее
Их черного цвета.

Опять прощаюсь, увидав едва
Твоих просторных улиц очертанья.
Мне хорошо с тобой, моя Москва,
Да жаль, коротко новое свиданье.

Всего лишь день, но сколько он вместил!
Как ярко в нем мгновенные любые!
Огромный он — мне не хватает сил
Запомнить все, чтоб увезти с собою.

И радости, и новости его,
Игру его огней и лица, лица,
И проспекты, переулки, метро —
Весь день, с утра до вечера столицу.

Тебе, Москва, навек моя любовь!
Со мной везде огни твои живые.
А приезжаю — удивляешь вновь
Так, словно ты передо мной впервые.

Еще не все в домах проснулись окна,
Микрорайон в морозном серебре.
Вон дворник наш маячит одиноко,
Дорожку расчищая во дворе.

А снег вокруг глубокий и горбатый,
Непроходима синева теней.
И в этот час широкие лопаты
Всего другого городу нужней.

Белые потемки. Долгие минуты.
Снегопад, качаясь, заслонил окно.
Хлопья снегопада, словно парашюты,
Оттого так тихо, оттого темно.

Слышу, если письма опускают в ящик, —
Но сегодня снова почта не пришла.
Мне же подле этих батарей горячих
Не хватает дружбы и ее тепла.

Напишу друзьям, что после снегопада
В комнате моей сугробы тишины.
За окном вечером тусклая лампада
Той средневековой, призрачной луны.

На душе, я знаю, утром прояснится.
Станет все иным, что вижу в полумгле.
Напишу друзьям о том лишь, что их лица
В сумерках мороз рисует на стекле.

Песня
делу

(маленькая поэма)

1

Я архивист.
И в памяти моей
Былые времена — события, даты.
С тем, что ушло навечно, без возврата,
Я сравниваю облик наших дней.
В хранилище архивном не ищу
От нынешних тревог освобождения.
Контрастней вижу современный день я,
Не задувая прошлого свечу...
Хранилище.
Рядами стеллажи.
Здесь связки дел архивных
С ярлыками
Лежат на полках, словно под замками, —
Погружены в молчанье этажи.
Здесь стол мой и рабочая тетрадь.
А тишина — не тишина погоста,
Здесь говорит история — не просто
Ее глубинный голос разобрать.
И документов деловую речь
Отмежевать от шумных кривотолков,
Постигнуть современность и потомкам
Ее живые образы сберечь...

В прядильный цех
 Придя в рабочий час,
 Я узнаю, что перерыв нескоро.
 Ищу — а Нина Павловна Цветкова
 Пенодалеку от своих девчат.
 Девчонка с цию (до чего ж тонка!)
 Вся раскраснелась, и в пуху ресницы.
 Из новеньких, как видно,
 Ученица —
 Еще сама не может снять мотка.
 Отдергивает руку от станка,
 Теряется от шумных перестуков.
 Девчоночью неопытную руку
 Берет Цветкова, и — в руке рука.
 Снимают вместе быстрые мотки
 И мимоходом связывают нити, —
 Передается таинство наитья
 И мастерства
 От опытной руки..
 Мне кажется внезапным перерыв:
 Споткнулись и
 Остановились нити.
 Я подхожу к Цветковой:
 «Извините,
 К вам с просьбой — исторический архив...»
 Как сходен день с крутящимся мотком!
 Бегут часы, не удержать момента,
 По время отражают документы —
 Так думаю я по пути в цехком.
 Здесь в перерыве — разговор, народ,
 Звонки, минут обеденных теченье.
 Но вот Цветкова, мастер обученья,
 Архиву дневники передаст.
 Их несколько.

Листаю наугад:

«...все понимает Зоя с полуслова...»

«...сходить к Тамаре в общежитье снова...»

«...мечты...»

«...соревнование бригад...»

А мастеру дороже всех наград

От прежних учениц родные письма.

Из Гродно, из Ростова, из Норильска,

А два солдатских — это от ребят...

И письма отдает она в архив,

Вняв просьбам наконец и увещаньям.

Мне адрес свой вручает на прощанье,

До проходной ближайшей проводив.

3

...Я у Цветковых дома.

Я у них

Нарушила забот домашний график.

Склоняюсь над альбомом фотографий,

Их много — довоенных, фронтовых.

Тускнеют снимки, изменяя цвет,

И выцветают подписи под ними...

Вот фотоснимок: комсомолке Нине

Исполнилось

Лишь восемнадцать лет.

Вот ФЗУ, и Нина в нем комсорг.

На карточке любительской — субботник,

Здесь Нина в группе молодых работниц:

Вагон, лопаты — нагружают торф.

А вот — вдали от дома, от подруг:

Шинель, ушанка, дата — 41-й.

И может, не поверите теперь вы,

Что девушка на снимке — политрук.

Вот здесь она с солдатами, а вот

Комдив глядит с усталым напряженьем.

На фотоснимке подпись: с уважением,
И рядом дата: 45-й год..
Я думала, что подвиг — лишь порыв,
А здесь вся жизнь,
Вся жизнь, а не мгновенье.
Я снимки приняла с благоговеньем,
Чтоб на века их сохранил архив.

4

И вот оно лежит на стеллаже,
Ему присвоен номер — единица.
И значит, дел похожих вереница
С ним рядом встать готовится уже.
Еще, как жизнь сама, свежи для нас
В его картон подшитые события.
Но мигнут наши дни, и позабыть их
Живущим на земле оно не даст.
Воссоздадут картину наших дней
По дневникам хранящимся и письмам,
И нами пережитое осмыслят
Издали и в чем-нибудь верней.
А может быть, пытливые умы
По фотоснимкам, выцветшим и старым,
В грядущем веке представлять нас станут
Чуть одинаковей, чем были мы.
Запечатлеть все судьбы мудрено,
Совсем не в этом документов сила.
Глядите: вот эпоху отразила
Жизнь человека, как зарю окно.

Жар-птица

(маленькая поэма)

1

Приехать в незнакомый город ночью
И убедиться наконец воочью,
Что первый раз не ждет тебя никто.
Лишь ветер бьет в лицо тебе и точно
Сорвать с тебя пытается пальто.
С дипломом лишь (единственным приданым!),
В промокших туфлях, с жалким чемоданом
Ждать на вокзальной площади такси
И показаться вдруг себе нежданной,
Незваной гостьей в глубине Руси.
И не гордиться, что диплом — с отличием,
Лишь чувствовать себя полумосквичкой,
Прожившей в общежитии пять лет.
Стоять и удивляться с непривычки,
Что ярче звездный, чем рекламный свет.
Разглядывать под небом проясненным
Ночных берез дворцовые колонны
И низкие постройки в темноте.
И не поверить в огонек зеленый,
Как ненароком сбывшейся мечте.

2

Не площадь — заколдованное место!
Сидеть в такси, затормозившем резко,
И услышать в двенадцатом часу,

Под небом, испещренным звездным блеском:
«За Волгу не могу, не повезу».
Наверно, от усталости обидной
И оттого, что в темноте не видно,
Шоферу пожилому (ловкачу!)
Сказать (потом и вспомнить будет стыдно):
«А может, сговоримся... заплачу!»
Я заплачу... (А может быть, заплачу!)
Не знаю, понял так или иначе,
Но дверцу он захлопнул посильней,
Пунктир огней дорогу обозначил...
Какое счастье мчать в такси по ней!

3

И замереть, как в ожиданье взлета,
Забуть на миг о всех своих заботах,
Когда просторный мост в ночных огнях
Вдруг выгнется за первым поворотом,
Как будто плечи, берега обняв.
И вот увидеть Волгу под собою:
На темных волнах серебро рябое —
Отсветы от прибрежий и моста..
На миг возникла, чтобы стать судьбою
Реки необозримой красота.

4

На расстоянье трудности мы любим!
— Домой, что ль, едешь?
— К незнакомым людям..
Дала подруга адрес этот.
— А-а.. —
За Волгой ветер переулки студит,
Пронизывая старые дома.

Вода в колонке, ставни, пес сердитый —
Приметы неустроенного быта.
И лампочки.. Вот место! (А в Москве
Сейчас светло, метро еще открыто.)
А здесь — канава западней в траве,
А здесь — дорога, вязкая от глины.
(В глазах еще Москва: балет старинный
И ярусов затихших полумрак.
Воздушные движенья балерины
Из памяти не выбросить никак!)
А здесь — деревьев частые верхушки.
Окраина, а может, деревушка
И крайний покосившийся забор.
А дом за ним — высокая избушка,
Повернутая выходом во двор.

5

Стучаться долго в темное окошко,
Но не услышать в тишине сторожкой
Шаги за дверью или звук другой.
Перед избушкою на курьих ножках
Ждать зря свиданья с бабою-ягой.
И понимать, что рассветет нескоро,
Не надо было отпускать шофера.
Расстроиться, отчаяться почти,
Покинуть двор и — чудо: у забора
Опять увидеть огонек такси.

6

— Куда ж теперь ты?
— На вокзал пока что... —
Усталость — от отчаянья лекарство:

За нею сны плывут, как облака,
И нежные, влекут в такое царство,
Где жизнь, как рядом с мамою, легка.
Уже сквозь сон:
— ...так ты сюда работать...
А город наш красивый: вопи растет как! --
Вдали многоэтажные огни
Желтели, как громаднейшие соты, —
Казались недоступными они.

7

На прежнем поле, около дороги,
Пока не дом, кощеевы чертоги —
Семь с половиной этажей пока.
Здесь небо почернело от тревоги,
Что обожжет прожектор облака.
«Эй, кран давай!» — кричал внизу рабочий.
Кран рокотал и медленно ворочал,
Покачивая в воздухе, плиту.
А каменщики в тишине полночной
Выравнивали кладку: тук-тук... тук.
И наклонился сварщик над зарницей.
Казалось, он сумел поймать жар-птицу,
И птица трепетала у него
Для поддержанья сказочных традиций
И чтоб не погибало волшебство.

8

За улицами с новыми домами,
За трубами, за бурыми дымами
Защитных стен окаменелый дым.
Чуть освещенный дальними огнями,

Кремль белостенный кажется седым.
Мерцает тускло купол колокольни.
С нее — весь город словно на ладони:
Всех фабрик и заводов корпусов,
И Волги величавое раздолье,
И синие заволжские леса.

9

Заволжские леса увижу после...
На перекрестках светофоры мерзли,
Совсем замолкли отголоски дня.
Подъезд. Такси остановилось возле:
— Ты вот что, заночуешь у меня... —
А утром встала — розовели стены,
Но спал хозяин, воротясь со смены,
С почных своих, негаданных дорог.
Лишь тек живой водой,
Проникновенно
Жены шофера волжский говорок...

10

Мне дорога доньше эта встреча,
Душевность волжской окающей речи.
Я этот говор в сердце берегу —
И словно родилась сама в заречном
В поселке, на высоком берегу.
И кажется, что сызмальства знакомы
Полет мостов, медлительность паромов,
И в Волге отраженные дома,
И баржи проплывающей огромность,
И теплохода легкая корма.
Мне все дороже этот город древний,

В густых лесах окрестные деревни.
Меня чаруют здешние места:
Могучие заволжские деревья,
Волжск гостеприимных доброта.
Жить, не мудря, но быть красивей, шире
Цветов на окнах, тишины в квартире.
Быть щедрой, близкой людям, как родня,
Как те, что ночью поздней приютили,
В своем краю приветили меня.

От зари
до зари

(маленькая поэма)

Вступление

Аня, внучка соседки, цветов не рвала:
«Не могу я смотреть, как они умирают!»
Но пришел
Сенокосный июль ко дворам
По цветущим лугам до ольховых окраин.
И размахисто ходит коса за избой,
И чуть свет
Тарахтеть начинает косилка.
И валами ложится трава — как прибой,
Словно чайки, белеют над нею косынки.
Ох, как пахнут цветы, приникая к земле, —
Эти легкие лютики, тучные кашки.
Пахнет все,
Даже жесткий высокий пырей,
Горьковатым и пряным исходят ромашки.
Этих трав луговинных душистый настой
Не одной мне
Припомнится в городе после..
На заре умирают цветы под косой.
Все деревни, покуда роса,
Сенокосят.

1. Утро

Посветлело над лесом.
А солнце взошло,
Улыбнулось:
«Ну что, от росы не озябли?»

Бабы словно бы ждали привета его,
Встрепенулись, как птицы,
И взялись за грабли.
Принялись они сею грести, ворошить,
Словно летнее солнце подмешивать в травы.
И тогда вот обрушилась в заводь тиши,
Повернув от дороги, мальчишек орава.
Первый — Санька.
Верхом на грудастом коне,
На могучем, к работе колхозной привычном.
Конь ступает, как будто плывет по стерне.
И зовут работягу не как-нибудь — Мичман!
Санька смотрит серьезно из-под козырька,
А ведь ростом не более метра, пожалуй.
Худощав, только левая нынче щека,
Словно пухлый калач, —
От пчелиного жала.
На поджаром
Пикита летит на покос.
Озорной, конопатый,
С густыми вихрами,
Он на мать не похож,
На отца не похож —
А на спелую рожь
По краям с васильками...
Лишь Григорию длинному не повезло:
Как ни бейся, идет петоронко кобыла.
Поровит укусить и косится-то зло.
Ей бы вспять повернуть,
Словно что позабыла.
А за ней жеребеночек следом бежит —
С камышовой гривкой, короткою, мягкой.
В тонконогом не чаёт гнедая души,
Ржет тревожно-тревожно:
Отстал ведь он! Ах ты...
На лугу осадил мальчишки коней:

Сенокосное время — не время забавам!
Запах сена все гуще,
Жара все сильнее —
В самый раз подоспели на выручку бабам!
Восседает мальчишка верхом на коне,
Тянет следом копенку нетлею веревки.
Тянет к стогу
По кочкам,
По колкой стерне —
Расползется копенка,
Коль будешь целовким.
Это ж Санька!
Отцовская кепка до глаз..
Но казалось, что вижу я в эту минуту
Не мальчишку, живущего сколо нас, —
Человеческой жизни погожее утро.

2. С т о г

Выше, выше растет,
Поднимается стог.
На стогу
Тетя Даша ровняет вершину.
Словно белое облачко —
В небе платок.
Мечут сено к ногам тети Даши
Мужчины..
Я и прежде видала стога у дорог.
Но до этого лета не думала даже,
Сколько нужно уметь,
Чтоб выровнять стог,
Чтобы он поднимался, как дом двухэтажный.
Чтобы прочно стоял он, упругий, прямой,
Чтобы в непогодь не покосился от ветра,
Чтобы сытым буренкам казалось зимой,
Что в кормушках у них —

Травостойное лето.
Но отброшены вилы.
Вползает в зенит
Раскаленное солнце.
Пылится дорога.
Поправляя платок,
Тетя Даша глядит
Далеко-далеко с высоченного стога.
Луговины,
Лесные массивы вдали..
Перед нею,
На миг заглядевшейся, зоркой,
Развернулись просторы родимой земли,
Далеко отодвинув черту горизонта.

3. В полдень

Отдыхаю
В короткой тени под конной.
Городской
Деревенское лето в новинку:
Сено,
Вилы в руках,
Опалая зной.
На обед — молока припасенного кринка.
А потом полусон-полуявь — полчаса:
То ль гуденье пчелы,
То ль гуденье мотора..
За конною мальчишки
(Слышны голоса).
Сквозь дремоту
Прислушалась к их разговору.
И проникла в страну, где мальчишки живут.
Оживают там
Книжек любимых страницы:
Чуть приметное облачко — как парашют,

А река с камышами подобна границе.
Легкий ветер,
Крадясь, пронурнал в камышах.
Сосны, как часовые, из зарослей вышли.
Жаждет подвигов
Строгого Саньки душа
И душа озорного Пикиты,
И Гриши...

4. Л ю б а

Пополудни
Мальчишки поили коней.
С луговины исчезли до вечера птицы,
И казалось, не конные грабли на ней,
А хозяйка июля в своей колеснице.
На руках, на ногах золотится загар.
(И на юге такую не видела сроду!)
Жаль, глядят на нее допоздна
Лишь стога
Да деревья, закрывшие край небосвода.
Едет Люба по знойному лону земли,
Луговиной неубранной, изжелта-бурой:
Где по травам расстеленным грабли прошли,
Там валы поднялись, словно на море бурном.
Я жалела, что в эту минуту не здесь
Любин муж.
Он ушел от нее и от Саньки.
Полюбил, разлюбил — не успел разглядеть
Золотого загара и стройной осанки.
Ну, а Люба в сыновней мудреной судьбе,
Словно солнышко, вставшее раннею ранью,
Словно самые яркие в ихней избе
Прислоненные к стеклам оконным герани.
Все для Санки! Чтоб был он не хуже других.

И растет он, привязанный к матери крепко.
Видно, любит одну, как любил бы двоих, —
От отца у парнишки осталась
Лишь кенка.

5. К л а д

Где цветы розовели минуту назад,
Так нежны неподдельно,
Как в песнях старинных, —
Измельченного клевера бурный каскад
Изрыгает косилка,
Как пламя Горыныч.
На ветру развеваясь, зеленый поток
День-деньской
Наполняет за кузовом кузов.
Вот сейчас за рулем Николай Шепотов —
Потемнел, пропылился шофер
От погрузок.
Рядом, в кузове, Оля —
Легка, как ольха.
Заколола повыше на кофточке ворот.
Но колючая пыль
Палетела в рукав,
И не ждет
Вырастающий в кузове ворох.
Поглядишь, не работа идет, а борьба:
Превращается ворох в сынучую гору:
От кабины гребни!
От бортов отгребай!
Да лови, словно яблоки, шутки шофера.
Вдоль деревни, за лугом,—движение, гуд,
Словно трассу в тишайшей деревне открыли.
Грузовая с прицепом! — лишь гуси бегут
Из-под самых колес, растопыривши крылья.
Силое в землю запрятав, как прятали клад.

Но не втайне от всех —
От соседа, от друга..
Под колесами
С пылью смешался закат,
Под последней машиною, едущей с дуга.

б. Встреча на дороге

От заката
Лишь в просеках было светло.
Мы, усталые, ехали, свесивши ноги, —
Нас в телеге подбрасывало и трясло,
Задевали нас ветки у края дороги.
А когда проезжали мы возле реки,
Наши длинные тени ползли камышами:
Лошадь, Санька с вожжами и женские три
Сбоку двигались и
Никому не мешали.
Но едва мы свернули на узкий мосток,
Встала пешая тень
Перед тенью колесной:
Был Кузьма из Сосновки плечист и высок
И на тени вечерней казался колоссом.
Встал с ружьем, закрывая дорогу собой:
«Гр-р, назад!
Дай пройти, говорю.. ты с вожжами!»
То ли воздух качался, от мошек рябой,
То ли пьяного ноги не слишком держали.
А громадная тень разлеглась во весь рост,
И казалось, что двигаться ей неохота.
И привешен был к поясу пьяного дрозд —
Озорство, браконьерство ли, но не охота.
Тени женщины смешались.
(Ой, выстрелит ведь!)
«Ю-о!» — и Санька приветал.
(Не пугливый покамест!)

А громадная тень, словно вздумав взлететь,
Отшатнулась и резко взмахнула руками...
Верно, долго барахтался он в камышах.
(Жаль, вода по колено в июле, не выше!)
И катилась телега по лесу, снесла.
Сосны, как часовые, из зарослей вышли.

7. Сумерки

Над соседской избою мерцает звезда,
А закат угасающий еле заметен.
Засыпает деревня, устав от труда, —
Ни один огонек, запоздалый, не светит.
И предшествует утренней скорой заре
Легкий сумрак ночной, синевато-лиловый.
Мне на сене постелено, в крытом дворе,
Где за стенкой жует и вздыхает корова.
И мерещится гром — за раскатом раскат
Где-то за луговинами и за полями.
Это движется трактор вперед и назад
По наполненной доверху силосной яме.
И полночный покой проникает в сеник,
Половодьем разлившись на многие версты.
В крыше светятся щелки и кажется, в них,
Как горох, закатились и светятся звезды.

Содержание

«Душа, как суверенная держава...»	3
Победители	4
«Мечтою овеваны, вознесены...» . . .	5
Перед отплытием	6
Водный путь	7
На плесе	8
«Ночь светла, а плес под свет латуни...»	9
«Пароходство скажут: «Пароходство...»	10
Механик	11
На зимующих кораблях	12
«Я помню каждый жест ваш, каждый взгляд...»	13
Южный город	14
Рыбачье утро	15
Глубинный лов	16
У моря	17
Авиатор	18
Терповый куст	19
Встреча с отцом	20
«Мой брат смуглолиц — на отца он похож...»	21
«Помяты были травы на покосе...» .	22
«Мы в старом доме сделали ремонт...»	23
«Мне здесь еще пожить бы...» . . .	24

Дождь в Крыму	25
Чабаны	26
Соц	27
«Дотерпеть бы мне...»	28
Люди и дельфины	29
В Иванове	30
Ткачиха	31
«С единственной улицей деревня...» .	32
«Я вышла из избы и поняла...» . . .	33
Бабушка	34
Пробуждение	35
Соловьиная ночь	37
У озера	38
Снежные версты	39
«Я снежные вершины первый раз...»	41
Окраина	42
Старые дворы	43
На стройке	45
Реактивный	46
«Вот опять надывается сердце...» .	47
«О, это невысокое окно...»	48
Осокорь	49
«Как иссиня-зелены дали...»	50
Белогривая тройка	51
Дивная гора	52
«Умирают зимние березы...»	53
Под Москвою	54
Грачи прилетели	55
«Опять прощаюсь, увидав едва . . .» . .	56
«Еще не все в домах проснулись окна...»	57
«Белые потемки...»	58
Песня делу (маленькая поэма)	59
Жар-птица (маленькая поэма)	63
От зари до зари (маленькая поэма) .	69

Эмма Васильевна Марченко

ЖАР-ПТИЦА

Стихи

Редактор А. Меньков

Художник О. Кандакова

Художественный редактор Б. Шляпугин

Технический редактор В. Шикифорова

Корректор И. Ямпольская

Сдано в набор 20/XI-1974 г. Подписано к печати 26/II-1975 г. А10646. Формат изд. 70×90^{1/32}. Бумага офсетная № 1. Печ. л. 2,5. Усл. печ. л. 2,93. Уч.-изд. л. 2,2. Тираж 10 000. Заказ 4534. Цена 22 коп.

Издательство «Современник» Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли и Союза писателей РСФСР
121351, Москва, Г-351, Ярцевская, 4

Рязанская областная типография
390012, г. Рязань, ул. Новая, 69